

Андрей Белянин

Игорь Касилов

Гаврюша и Красивые

Продается квартира с домовым. Дешево.
Срочно. Пожалуйста-а-а!

Андрей Олегович Белянин
Игорь Касилов
Гаврюша и Красивые
Серия «Гаврюша и Красивые», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9524797

*Гаврюша и Красивые: Фантастический роман: Альфа-книга; Москва;
2015*

ISBN 978-5-9922-1958-6

Аннотация

Все началось с того, что первоклассник Егорка обнаружил у себя в квартире домового. Обычного, невысокого, с рыжей бородой, в лаптях и рубашке навывпуск. Правда, рассказывать сказки на ночь его новый друг не умел. Зато отлично втягивал в саму сказку и Егора, и его родителей, а потом и сама сказка решила заявиться в реальный мир. Почему нет? Тем более что получением диплома и сертификата на волшебство домовой Гаврюша так и не озаботился. Но колдовать без разрешения – это ж куда веселее! Поехали, братцы?!

Содержание

Пролог	4
Глава первая,	6
Глава вторая,	19
Глава третья,	31
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Андрей Белянин, Игорь Касилов Гаврюша и Красивые

Пролог Дом в переулке

В узком московском переулке с редким названием Маленькое Гнездо стоит дом. Он очень старый и похож на отставного офицера царской армии. Рост его два этажа, чердак да крыша. Холодной зимой смолит ветеран дымовыми трубами, как папиросами. Подъезд в доме высокий, торжественный, даже когда о порог трётся заблудшая кошка. Умей домик ходить, то наверняка бы прихрамывал и кряхтел. Стены-уши его безнадежно глухи, глаза-окна часто слезятся, а деревянные ступени под весом жильцов и гостей непременно сетуют на жизнь. Вот она, старость памятника культуры.

В советские времена здесь размещалось общежитие, а когда пришли времена офисов и банков, всех расселили. К счастью, дом не стал ни офисом, ни банком, потому что находился далеко от проспектов и широких улиц. В доме устроили четыре квартиры с удобствами и поселили новых жиль-

цов. Третью занимает семья Красивых. С большой буквы, потому что это Фамилия. Досталась она Валентину Валентиновичу Красивому, как полагается, от папы, а нынче он и сам дважды отец. У Валентина Валентиновича есть жена Александра Александровна, семнадцатилетняя дочь Глаша и семилетний сынишка Егор. Все тоже, разумеется, Красивые. А вот кто такой Гаврюша, где живёт и что делает, узнать непросто.

Но мы постараемся вам рассказать...

Глава первая, в которой всё странным образом исчезает и появляется

Утро началось с того, что папа вляпался в очередную лужицу, на этот раз голой левой ступнёй. Предыдущая неприятность досталась правой ступне, и ей повезло меньше, потому что, когда на вашей ноге носок и вы становитесь на мокрое, вас переполняют уже двойные чувства.

– Егор! – позвал папа, изучая расположение мокрых мест на паркете.

Звать приходилось шёпотом, потому что, как сказала вчера мама, «только на твоей работе могут догадаться устроить совещание в субботу с утра пораньше». Папа тогда молча пожал плечами и обещал собраться тихо.

Следы привели его в ванную. Ничего не подозревающий сын, увлечённый игрой, встретил отца командой «Пли!» и залпом многочисленных брызг. Увернуться Валентин Валентинович не успел, за что и был поражён прямым попаданием в единственную отглаженную рубашку. Весьма кстати вспомнились следующие слова мамы о том, что «только наш папа, в отличие от нормальных людей, одевается до умывания». Слава богу, брюки он ещё не надевал.

Папа предусмотрительно прикрыл дверь и сделал строгое

лицо. Ванна была наполнена почти до краёв. Сын сосредоточенно сопел рядом и возился с бумажными корабликами.

– Егор! Почему ты не спишь?!!

Мальчик вздрогнул и обернулся. Убедившись, что мама на горизонте отсутствует (а с папой всегда можно договориться), он принялся закатывать мокрые рукава пижамы.

– Пап, я уберу. Она даже не догадается, пап. Классно, правда? – Младший улыбнулся, показывая на кораблики. – Королевский флот снова потерпел поражение! «Чёрная жемчужина» ушла в последний миг! Пираты на свободе! Давай играть, пап? Я дам тебе шлюпку... возможно... одну.

– Егор! Где мой носок?! Я опаздываю!!!

– Не знаю, – не сразу ответил мальчик, разглядывая белую ступню Валентина Валентиновича и переводя взгляд на носок. – А ты можешь одолжить мне этот?

– Зачем? – Папа тоже посмотрел вниз.

– Он же чёрный, как самый всамделишный пиратский флаг! Чёрный флаг! Чёрный флаг! Чёрный флаг!

– О боже... – Вал Валыч (родные так называли Валентина Валентиновича для краткости) поспешил покинуть ванную комнату и осторожно просочился в спальню.

– Что делает наш сын? – спросила в подушку мама.

– У него там... – папа потянулся к шкафу, но ящик с бельём категорически отказывался выдвигаться, – морская баталия. Спи, Сашенька, Егор уберётся, лужи вытрет...

На миг он прикусил язык и остановился, чтобы понять –

последние два слова на самом деле были сказаны вслух или он только о них подумал. Мама ничего переспрашивать не стала, а пронеслась мимо с рёвом полицейской машины. Её оживлённая беседа с несовершеннолетним пиратом развеяла сомнения – отец сболтнул лишнее.

Вал Валыч перерыл свой ящик, но парных носков не нашёл ни одной пары. Горько вздохнув, решился на левый в тёмно-зелёную клетку. «Зато сухой!» – утешил он себя, натянул носок, нырнул в брюки, заправил обрызганную рубашку и поспешил удрать в прихожую.

Глаша Красивая – сова. Не птица, конечно, а в том смысле, что утра для неё не существует часов так до одиннадцати-двенадцати. В отличие от мамы, готовой подскакивать от любого звука, молодая девушка уверена, что в субботу её никакая собака не разбудит.

На этот раз она ошиблась.

Виноват, конечно, их сосед по этажу, батрахолог Иннокентий Иванович, которого угораздило начать ремонт и дружить с родителями. Глаша тёплых чувств к нему не испытывала, потому что боялась его гигантских жаб, как... как обычные девушки боятся рептилий. И сам он похож на рептилию: глазки бусинками, лысый, и вечная улыбка тонких губ до ушей.

Дело в том, что хитроумный Иннокентий Иванович уломал маму и папу подержать у себя на время ремонта его ста-

рый велосипед. Тот самый велосипед, который папа, стараясь смыться по-тихому, и уронил как Эйфелеву башню, себе же на ногу.

Глаша резко переключилась из режима «сон» в режим «какого лешего?» и грозно ссутулилась на кровати, потирая глаза. Сердитая Александра Александровна высунулась из ванной и вместо того, чтобы пожелать папе хорошего дня, возмутилась:

– Я же просила убрать его на балкон! А если бы он грохнулся на ребёнка?!!

– Значит, меня тебе не жалко? – стонал папа, прыгая на одной ноге и морщась от боли.

– Я больше беспокоюсь за паркет и Иннокентия Ивановича, – честно призналась мама и сосредоточила внимание на мокром сыне. – Егорушка, обещай, что больше не будешь тут разводить синее море, хорошо?

Мальчик обнимал скисшие бумажные корабли, с тоской глядя на убегающую в сливное отверстие воду.

– Мам, вот подумай, мам! На улице холодно, на кухне посуда грязная, в унитазе тесно. Куда ж я ещё пойду? А ты мне дашь фен кораблики посушить?

– Вот ещё! – Глаша перехватила у мамы право ответа. Ей не терпелось занять совмещённый санузел минут так на сорок с песнями, феном и парой тайных звонков по мобильнику. – Строже надо с ним, мама, строже, как с папой.

Егор приветствовал сестру высунутым языком, та по тра-

диции показала свой. Тогда мальчик решил выступить с речью.

– Как вы не понимаете, я расту, познаю мир, мне надо развиваться! Вот вырасту и буду как вы – спать, есть, работать и сидеть в Интернете. А сейчас мне надо с кем-то играть. Вам некогда, потому что пока вам надо спать, есть, работать и сидеть в Интернете... Я всё понимаю, но и вы поймите меня. Знаете что? – Егор вручил мокрый флот матери и обвёл своих женщин взглядом человека, обладающего сокровенной истиной. – Настоящие пираты носят серьги, как у девочек, только одну!

Глафира закатила глаза, а мама улыбнулась.

– Ума не приложу, где взять сергу? – признался Егор, наблюдая за реакцией сестры.

– Так, понятно, – сквозь зубы выдавила Глаша и потянула дверь ванной на себя. – Но ничем помочь не могу, самой мало.

Мама погладила сына по голове и повела переодеваться в другую комнату.

– Мама, почему вы никто не хотите играть со мной? – Сын послушно вытянул руки, помогая маме снимать с него мокрую пижаму. – Да, я понимаю, папа обеспечивает семью, – (мама серьёзно кивнула), – ты готовишь еду, наводишь порядок и говоришь папе, какого числа вы поженились, – (мама снова кивнула, а Егор позволил ей натянуть на него новую футболку), – а Глашка... мечтает подцепить классного

парня, я слышал...

– Отсюда поподробнее. – Мама села на корточки, чтобы видеть честное лицо сына.

– Мама, ты не понимаешь? В их возрасте им нужен или спортивный парень, или взрослый мужик на БМВ.

– Это Глаша сказала?

– Я могу уточнить...

– Не беспокойся, мама сама уточнит.

Пришло время завтрака. Егорушка сидел перед тарелкой овсянки, заботливо приготовленной мамой, и показывал эту вязкую жижу двум пластмассовым пиратам. Разбойники «наклонились», «поглядели» нарисованными глазами и «повалились замертво». Пока мама наливала себе зелёного чая, Егор плеснул немного молока из стакана в бумажный кораблик.

Александра Александровна старалась быть примером для сына и первые три ложки каши съела с почти убедительным наслаждением.

– А ты знаешь, морячок, что у каждого великого пирата, у англичан особенно, ни один завтрак не обходился без овсянки и... – Мама Саша сделала опрометчивую паузу.

– ...и бутылки рома, – машинально закончил сын, косясь на стакан.

– Придумал ещё! – чуть не поперхнулась ласковая мама и вручила сыну ложку. – Вот твоё оружие. Присоединяйся.

Пока она пыталась легко проглотить следующие три дозы

каши, Егор скорчил в ложку несколько забавных гримас.

– Мам, а можно я с Глашей поделюсь?

На кухню влетела сестра, привычно сжимая сотовый между ухом и плечом, что здорово портило осанку. Девушка распахнула холодильник, взяла брусок копчёного мяса и бросила добычу на разделочную доску посреди «настоящего пиратского завтрака». Блеснул кухонный нож.

Количества нарубленных Глашей кусочков запросто могло хватить на одну пиратскую пирушку с фейерверком и попугами на десерт. Недорезанное мясо вернулось в холодильник, и сестрица приступила к поеданию прямо с разделочной доски, хмыкая и угукая в трубку. Её первобытный завтрак был дополнен бокалом растворимого кофе с тремя ложками сахара. Она запивала мясо большими глотками голодной пещерной охотницы.

Мама наблюдала за Глашей с завистью, а Егор с восхищением.

– У неё большие шансы стать пиратом, – тихо сказал он маме. – Но есть ещё один вариант.

– Какой? – так же тихо, под жевание и мычание дочери спросила мама.

– Если в пираты примут меня, мы украдём её и продадим в арабский гарем.

Александра Александровна прикрыла рот рукой.

– Мама, я сегодня иду к Светке на день рождения, – сказала Глаша. Не расставаясь с трубкой, она принялась огля-

дывать себя в области живота. — Опять наемся...

Мама утопила ложку в каше и потянулась за салфеткой. Дочь сделала последний смачный глоток из кружки и покинула кухню. На разделочной доске оставалось несколько соблазнительных ароматных кусочков копчёного мяса. Мама Саша взяла чистую тарелку для второго и накрыла их, чтобы посмотреть на что-нибудь другое.

— Пираты не ели овсянку, — разочарованно признал Егор. — Ясно как день.

Он отодвинул тарелку и смело встретил осуждающий мамин взгляд.

— Это ещё почему? — спросила она, стараясь быть непроницаемой.

— Потому что у них не было мам, которые сидят на диете.

— Вот придумал! — обиделась мама. — Не хочешь, не ешь.

— Спасибо. — Егор слез со стула, собрал игрушки и, явно повеселев, побежал играть.

Мама убедилась, что её не видят, и потянулась к разделочной доске, приподняла тарелку... сняла совсем... Пусто!

Женщина вздрогнула. Какой фокусник это сделал, неужели Егор? Когда успел? Поглядев по сторонам, Красивая нагнулась и посмотрела под столом. Ничего она там не нашла.

Тем временем Глаша бросила телефон на взбаламученную постель и порхнула к шкафу. Она довольно быстро подобрала платье и повесила его на ручку. Последовали прихорашивания и приготовления, всё двигалось как по маслу,

пока не подошла очередь серёжек. Из тех, что были нужны, нашлась только одна. В голове сверкнуло нехорошее воспоминание: до завтрака брат клянчил пиратские серьги. Подозрения заставили девушку на цыпочках выйти из комнаты.

– Братец, ты где?

Ответом на строгий призыв был лёгкий укол пластмассовой шпаги в спину.

– Теперь вы моя пленница, леди! – объявил он торжественно и поклонился. – Я продам вас в арабский гарем. За дорого.

Глаша развернулась, ухватила конец шпаги и затащила брата на свою территорию. Там ему молча была предъявлена единственная серьга. Он долго разглядывал вещицу, затем расплылся в улыбке и, насколько хватило рук, обнял сестрёнку.

– Спасибо, ты добрая! Это и вправду мне?

– Где вторая? – Вопрос отменил процесс родственных объятий и повернул общение в иное русло.

– Я не брал! – уверенно ответил Егор и заморгал.

– Точно?

Он отступил на шаг, чтобы вернуться в роль благородного разбойника и принять позу, соответствующую моменту.

– Я хоть и пират, молодая леди, но вещи сестры без спросу не беру.

– Ладно, иди. – Глаша проводила его взглядом, которым обычно провожают тяжелобольных, и вздохнула, понимая,

что надо подобрать другие серьги. Ничего не поделаешь.

Гордо задрав подбородок, Егор удалился.

В прихожей снова рухнул велосипед.

– Тысяча чертей! – грозно проорал мальчик.

Из кухни, протирая тарелку, вышла мама.

– Ошибаешься, сын, только один. Что так быстро, Пекло закрыто на ремонт?

Вал Валыч обнимал коленку одной ноги, приплясывая на другой.

– Вы только посмотрите! – воскликнула мама Саша. – Да на нём носки разные!

– Я забыл права, – еле выдавил папа.

– Ты хоть видел, что надевал на себя?! – не унималась она.

– Видел! Искал! Других в доме нет! Они все пропали!!!

К событию присоединилась Глафира, которая тонко при-
смотрелась к проблеме с другой стороны:

– Вы не заметили? Пропадают парные вещи.

– И непарные тоже, – добавил папа, после чего прекратил жалеть ушибленную конечность и с видом медведя, пытающегося после спячки найти зубную щётку, полез во все ящики прихожей разыскивать водительскую карточку. Сопел и кряхтел он совершенно по-медвежьи.

– Ты прав, – сказала мама, – нарезка тоже исчезла, прямо из-под этой тарелки. – Она продемонстрировала белоснежную тарелку для второго, с которой уже не расставалась.

Однако под скептическим взглядом дочери смутилась

и пошла на попятный.

– Если, конечно, Егорушка... – тихо, будто оправдываясь, начала мама Саша. Но запнулась и больше ничего не говорила, наблюдая за тем, как папа энергично погружает прихожую в хаос, выкидывая из всех ящиков всё, что возможно.

– Лопни моя селезёнка, если я не знаю, кто это! – патетически возопил Егор.

– Скажи, сын, скажи, – пробубнил под нос папа, не вставая с четверенек и окунаясь в очередной ящик. – Может, нам станет легче.

– Всё подстроил домовой, однозначно!

– Домовой? – Сестра оперлась спиной о косяк своей комнаты. – Одноглазый, хромой и с попугаем на плече?

– Да нет же, обычный русский домовой, – объяснил Егор. – Он играет. Прячет вещи и смотрит, что мы будем делать.

Папа оторвался от поисков и встал буквой Г, упираясь руками в колени.

– Тот, кто прячет чужие вещи и смотрит, как я теряю работу, должен сидеть в тюрьме.

– Я знаю, что делать. – Егор сложил руки кренделем. – Надо сказать громко: «Домовой, поиграй и обратно всё отдай!»

– Это его бабушка научила, – с ходу поставила диагноз сестра.

– Я вашему домовому и не такое заряджу, – в свою очередь отреагировал отец. – Здесь другие слова нужны, дедушкины,

те, что он мне по секрету про депутатов говорил.

– А я верю тебе, сынок! – поддержала Егора мама и подмигнула дочери. – Домовой, поиграй и обратно всё отдай! Эй, Вал Валыч, скажи, жалко, что ли?

– Не жалко. – Папа выпрямился и разогнул спину, хватаясь за поясницу. – Домовой, поиграй и обратно всё отдай, а не отдашь, сам будешь за квартиру платить и Глаше на баланс класть. Глаша, дочь, ты согласна?

– Нет уж. – Девушка встала руки в боки и попеременно зыряка то на отца, то на мать. Потом плюнула, сподобилась-таки произнести бабушкино заклинание: – Домовой, поиграй и обратно всё отдай. А ещё у меня губная помада заканчивается, стырь у кого-нибудь, пожа-а-алуйста, очень надо!

– Размечталась, – обрезал Вал Валыч и засунул руки в карманы брюк. Лицо его стало озабоченным. – Что за чертовщина?!

Папа вынул правую руку, сжимая водительскую карточку.

– Вот видите! Видите! – обрадовался мальчик и запрыгал на месте. – А вы не верили! Он хороший, просто с ним никто не играет, как со мной.

– Сейчас проверим! – Мама с азартом побежала в спальню, откуда скоро вернулась с парой одинаковых чёрных носков. Она положила их на протянутую папину руку. – В следующий раз, дорогой, попроси домового и рубашку тебе погладить. Он хороший, он не откажет.

– Хорошо, – послушно ответил папа, всё ещё не веря в происходящее. – Ну я пойду?

Быстро, словно улики, он рассовал находки по карманам и, придерживая велосипед, покинул квартиру. Мама повернулась к Глаше. Та стояла вылупив глаза.

– Твоя очередь, доченька.

– Сходи глянь, – поддержал маму довольный мальчик. – Твои серьги снова вместе.

– Ой ли?! – разворачиваясь, фыркнула Глаша, но в комнату вернулась.

Брат и мама, не удержавшись, пошли следом.

– Вот они, на шкатулке!!! – весело пропищал Егорушка и принял позу летящего Супермена. – Спасибо, домовой! Ты отличный парень!

– Повезло тебе, братишка. – Сестра подобрала серьги. – Ладно, так уж и быть... – Она открыла шкатулку, пошуршала там и достала пару клипс. – На, возьми. Одна сломана, а вторая пока держится. Пользуйся. Только скажи своему домовому, что я не шутила насчёт помады.

Егорушка, получив столь долгожданный и неожиданный подарок, сию секунду отправился пиратствовать в детскую, а мама обняла Глашу и молча поцеловала в висок.

До самого вечера Александра Александровна бродила по кухне, бурчала под нос, поднимала скатерть, заглядывала в холодильник. Копчёного мяса домовой ей так и не вернул.

Глава вторая, *в которой Егор знакомится с Гаврюшей*

Егор задумчиво ощупывал пластмассового пирата. Был хмурый декабрьский вечер, время недетское, поэтому мальчик лежал в кроватке, а мама сидела рядом, на краешке, и гладила его вихры.

– Пойми, сынок, так получилось. Мы с папой работаем, Глаше надо в институт, а в школе карантин. Знаешь, что происходит, когда где-нибудь карантин?

– Знаю, – он отвернулся к стенке, – родители забирают детей из школы, бросают дома одних, а сами бегут на работу, как на распродажу...

– Никто никого не бросает. – Мама улыбнулась тёплой, летней улыбкой. – Во время карантина двери школы закрыты для всех.

– Даже для директора? – недоверчиво покосился на неё Егорушка.

– Даже для директора. И вообще, чего ты расстраиваешься? Надо просто пару часиков подождать бабушку, она к обеду будет здесь и посидит с тобой до нашего с папой возвращения.

– Посидит или поиграет?

– И посидит, и поиграет, и обедом накормит, и сказку расскажет. Обещай мне хорошо себя вести, ладно? Ничего не трогай, особенно стиральную машину и микроволновку.

– Мам... – Обиды в голосе поубавилось.

– Что, сынуля?

– Сделай что-нибудь вкусное на завтрак...

– Хорошо, – обнадёжила она, но честно внесла поправку: – Если не просплю.

В глазах у мальчика мелькнула идея.

– А ты попроси домового! Он тебя точно разбудит! – Егор даже сел от осенившей его мысли. – Хочешь, сам попрошу?

– По рукам! – охотно подыграла мама Саша. – Попроси. Только, чур, без щекотания пяток, я страшно этого боюсь. А теперь спать, милый.

Сын кивнул и плюхнулся на подушку. С чувством выполненного долга мама поднялась и тихо покинула детскую.

– Эй! – громко прошептал семилетний мальчик сквозь полумрак. – Домовой, ты слышал? Разбуди их на часок пораньше, пожалуйста! Мама сделает вкусненькое. Обещаю поделиться, честное пиратское!

– У нашего героя новая фишка, – сказала мама, вернувшись в спальню к мужу и натягивая одеяло до самого подбородка (папа пребывал в состоянии полудрёмы). – Думаю, пираты скоро закончатся и он полностью переключится на домового.

– У нашего руководства тоже новая тема, – медленно про-

изнёс папа, – стоять утром на улице и встречать опоздавших. Родная, если я просплю, лучше пристрели меня дома...

Мама погладила мужа по уху и поцеловала в затылок.

– Спи, мой хороший, твой сын заказал у домового побудку.

– Вот как... и чего мы, дураки, будильников поназаводили?

Скоро они уснули.

Ровно в пять, когда за окном не спали только снежинки и редко проезжавшие автомобили, велосипед Иннокентия Ивановича рухнул.

Родители так и сели, глядя друг на друга отмороженными сусликами.

– Воры, – предположила худшее мама.

– Кошка, – оптимистично возразил папа.

– Откуда?

– Чужая. Мы забыли закрыть дверь, она вошла, потёрлась и уронила...

– А что, если её зашибло насмерть?!

Оба родителя влезли в тапки и с видом опытных злоумышленников стали прокрадываться в прихожую. Включив свет и удостоверившись, что входная дверь заперта, а кошки нет и в помине, они отправились досыпать.

Встали мама и папа строго по будильнику, поэтому после их отбытия на работу Егор прочитал вот такую записку: «СЫН! НА ЗАВТРАК БУТЕРБРОДЫ И МОЛОКО. ПРО-

СТИ, Я НЕ УСПЕЛА. ЖДИ БАБУЛЮ И НЕ ГРУСТИ!»

Мальчик отбросил листок, потёр заспанные глаза и вздохнул. Он сидел за кухонным столом, глядя на ненавистный стакан с молоком от «Кубанской бурёнки». Сонную голову приходилось держать руками, упираясь локтями в скатерть. Бутерброды с паштетом вызывали сильное желание сложить их в мусорное ведро и забыть навеки.

Егор сполз со стула, решив поискать замену бутербродам в холодильнике. Хотелось горячих, душистых блинчиков с ежевичным вареньем, компота из сухофруктов и чтобы вся семья сидела рядом, включая Глашу – так и быть. Содержимое холодильника не вдохновило, он захлопнул дверцу, развернулся и... увидел, как маленький дядька с рыжими волосами, в пижаме с заплатками и вязаных полосатых носках сидит на его стуле, жуёт выуженный из мусорного ведра бутерброд и прихлёбывает его молоко.

– Мама проспала, – укоризненно сказал мальчик. Когда ему очень хотелось познакомиться, но было чуть-чуть неловко, Егор начинал говорить с человеком как со старым знакомым. – Завтрак мог быть просто чудесный, если бы мама проснулась вовремя. Если бы вы её разбудили...

Не оставалось и капли сомнений, что наглый рыжий обжора – это и есть домовой, на которого возлагались все надежды.

– И тогда кое-кто, – продолжил мальчик, входя в роль обвинителя, – мог бы сейчас гораздо вкуснее позавтракать. Да,

да!

Рыжий хмыкнул и громко, с набитым ртом заявил:

– Вот дети, а! Стараешься для них, всю ночь глаз не смыкаешь, велосипеды роняешь, а самих и Царь-пушкой не разбудишь. Теперь так будет весь день гундеть. И ведь момент какой подобрал, прям будто взаправду меня видит!

– Вижу! – уверенно подтвердил Егор и показал на рыжего пальцем. – Ты сидишь на моём стуле, ешь бутерброд с паштетом, а сам наверняка ещё не умывался и зубы не чистил.

Домовой подавился и закашлялся.

– Вот те раз! – растерялся он и нырнул под стол. – Нет меня! Это тебе снится, мальчик. Ты ещё спишь!

Егор по-хозяйски доковылял до стола, приподнял скатерть и засмеялся, как обычно смеются дети, застигая кота в процессе самозабвенного вылизывания... миски со сметаной. Незнакомец этого не понял и продолжал играть в несознанку:

– Эй, малой, ты что, того? Зачем со мной разговариваешь? Я тебе не показывался! Не показывался же, да?! Ой!

Мальчик бесцеремонно ткнул человечка пальцем в щёку. Застыв от неожиданности, тот лишь промямлил:

– Ладно, твоя взяла, сдаюсь...

– Выходи давай! – радостно крикнул Егорушка. – Ты не представляешь, как мне одному скучно!

Домовой выбрался из-под скатерти, едва не уронив стол и всё, что на него поставила мама. Вид у рыжего чудака

был, мягко говоря, свойский. Волосы растрёпанные, как после вихря, льняная одёжка в пятнах, и палец торчит из дырки в носке. Поняв, что его разглядывают, мужичок прикрыл палец другою лапой и по-крестьянски вытер ладонь о рубаху.

– Давай знакомиться, что ли?

– Давай! – Мальчик пожал протянутую руку. – Меня зовут Егор.

– А меня Гаврюша. Ну, чего хохочешь-то?

– Имя смешное, вот и смеюсь.

– Вообще-то меня Гаврилой Кузьмичом зовут, и даже фамилия имеется, только я её забыл. А Гаврюшей для ласковости зовусь, чтобы вот таких, как ты, смешить.

– А знаешь, что скажет моя бабушка, когда придёт? – Егор посерьёзnel.

Домовой глянул в сторону стола и высказал предположение:

– Убираться заставит?

– Она скажет, что ты, Гаврюша, неряха, и мыться погонит.

– Вот ещё! На, смотри, как я могу! – И щелчком пальцев чудак вмиг обрядился в старинную, шитую золотом боярскую одежду. – Глянь, ни одна бабка не устоит!

– Пожалуй, это слишком. Надо выглядеть современно.

– А, что вы понимаете! – махнул он рукой и поменял костюм на кричащие джинсы поп-звезды, рубашку с вырезом до пупа и бейсболку в звёздах. – Вот, пожалуйста, современнее некуда. Устраивает?

– Ну, не знаю. Бабушка говорит, что по телевизору один разврат, а ты сейчас прям как из телевизора...

Домовой недовольно сел прямо на пол, и тут до него дошло:

– Фу-ты ну-ты! Вот заболтал, сорванец! Она ж не увидит ни шиша.

– Почему? – Егор обошёл вокруг нового знакомого. – Я же тебя вижу.

– Ты другое дело, видит только тот, кто в меня верит. – Гаврюша с отвращением стягивал пёстрые тряпки. – Вот ты веришь, что я есть?

– Конечно! – И в подтверждение сказанного мальчик ткнул домового пальцем в другую щёку. Тот уже вернулся в старую рубашку и вздохнул посвободней.

– Правильно, а бабушка ни в жисть не поверит, ибо я – порождение волшебства, которое у вас сказкой зовётся.

– Волшебства? – Егорушка задумался. – А бабуля в рекламу верит. Мама говорит ей, чтоб не верила, а она всё равно верит и всякие магниты лечебные по радио заказывает... И сказок много знает...

– Ну, ты, брат, сравнил меня и рекламу! Я, между прочим, в отличие от вашей рекламы, без малого триста лет по свету околачиваюсь, всех бабушек нынешних в пелёнках слюнявыми видел. Я не то что первый телевизор, первую лампочку лично включал, а ты мне говоришь...

– А пиратов видел?

Простой вопрос немного смутил хвастливое порождение волшебства. Оно почесалось и сообщило:

– Пиратов, пожалуй, не видал. На Руси как-то больше разбойники да взяточники приживаются. Но если ты хочешь...

Облик человечка сию секунду поменялся, и кухня исчезла, и воздух стал другой, и пол закачался. Егор и Гаврюша с героическими лицами гордо стояли на палубе грозного фрегата. Высоко на верхушке мачты колыхался «весёлый Роджер». Вокруг суетилась команда, кто-то предупреждал об опасности и показывал на линию горизонта.

Их преследовал корабль британской торговой компании, готовый вот-вот открыть пальбу из чёрных бортовых пушек. Герои обнажили шпаги, а когда началась стрельба, не испугались, бросившись к борту и подбадривая остальных. Англичане неумолимо нагоняли, ветер был на их стороне.

– Возьмём противника на abordаж и всыплем по первое число! – смело предложил Егор, в то время как вся команда в ужасе разбегалась. Некоторые прыгали за борт, хотя куда уплывешь в океане...

– А и впрямь, Егорка, покажем супостатам, на что способен русский пират! – проорал Гаврила Кузьмич и показал врагу длинный-предлинный язык. Мальчик сделал то же самое, но длина его языка не шла ни в какое сравнение с возможностями домового.

Британцы храбро пришвартовались к пиратской посудине, с гиканьем и выстрелами они перебежали, перепрыгива-

ли и перескакивали на палубу. Пиратская команда трусливо подняла руки, сдаваясь на милость победителя. И только два отчаянных храбреца, одному из которых только-только исполнилось семь, а другому почти стукнуло триста, встретили военные силы Британии – спиной к спине, готовые сражаться до конца!

Они приняли неравный бой, но скоро поняли, что силы врага перевешивают, а собственные безвозвратно уходят.

– Забаррикадируемся в капитанской каюте! – Егорушка потянул домового за собой.

Друзья помчались, отбиваясь и отбрыкиваясь от настырных британцев. Дверь почему-то была очень похожа на входную дверь их квартиры. Каюта открылась, и на пороге появилась бабушка. Море пропало, вместо неба навис знакомый потолок. Исчез Гаврюша...

– Здравствуй, внучек! Чем занимаешься?

– Ой, привет, баб! У нас тут такое творится! Вся команда струсила и попряталась, только мы с Гаврюшей бились как настоящие герои!

– Что ты ел? – строго спросила Светлана Васильевна. – Чем кормила тебя моя дочь? Кашей, надеюсь?

Приезд бабушки Вал Валыч называл прокурорской проверкой. Егорушка не знал, что это такое, но чувствовал, как папа при этом робеет и сжимается.

Бабуля быстро повесила пальто, переобулась и уверенно взялась за своё хозяйское дело, больше не задавая вопро-

сов. Вымыв руки, мамина мама унесла на кухню огромный шуршащий пакет, из которого стало появляться то, что Егор очень любил: стопка ещё горячих блинов, термос с шиповником, банка ежевичного варенья, два пластиковых контейнера с первым и вторым блюдами и здоровущий кусок пирога с мясом.

Мальчик внимательно наблюдал за процессом извлечения продуктов, вспомнив, что сегодня он так и не успел позавтракать. Да и когда? На них же напали англичане! Он угнезвился на стуле на коленках, опираясь о стол руками.

– Ну-ка, сядь нормально!

– Бабуля, покорми Гаврюшу тоже, пожалуйста! Он будил маму утром, но не добудился!

Бабушка разгладила пакет.

– Это что за Гаврюша такой маме спать не даёт? Я ничего не пропустила?

– Бабуля, ты столько всего пропустила! – Мальчик вцепился в пирог, прожевал большой кусок и продолжил: – Во-первых, он ужасно старый, зовут его Гаврила Кузьмич, но я должен называть его Гаврюшей, а то он обижается.

– Старый, говоришь? – Взгляд у бабули тоже сразу как-то постарел. – И давно живёт у вас этот... Кузьмич?

– Давно, только он раньше прятался, а сегодня слопал мой завтрак и попался!

– Завтрак твой слопал?! – Светлана Васильевна опять превратилась в само внимание. – А потом что?

– Показал мне свои наряды...

– Что?!!

– Пиратский ему в самый раз. – Егор отхлебнул отвара шиповника, налитый из термоса, и ободряюще погладил окосевшую бабулю по пухлой руке. – Расслабься, он добрый, говорит, что тебя ещё в пелёнках видел.

От таких откровений бабушка чуть со стула не упала.

– Да что ж это такое творится без моего ведома?! – не удержалась она, краснея от ярости. – А отец твой куда смотрит? Дал бы ему по морде разок, как мужик! Гаврила Кузьмич хренов!!! Да как таких земля носит, в платье он при ребёнке переодевается?!

– Баб, успокойся! Папа просто ещё ничего не знает.

Светлана Васильевна нервно пригладила свои негустые крашенные волосы. Руки её дрожали, а губы кривились в безмолвных проклятиях. Маленький Егор впервые видел столько противоречивых эмоций в одном взгляде...

– Папа не верит в Гаврюшу, хотя я всем говорил.

– Да этот твой папа-шляпа, – бабушка готова была заплакать, – сказала бы я ему... Ну ничего, я матери скажу... Где он?

– Папа?

– Да на что сдался мне твой папа?! Он что есть, что нет его. Кузьмич этот где?

– В квартире должен быть, но видят его только те, кто в него по-настоящему верит.

– Сектант, значит, – тихо сказала пожилая женщина и прижала внука к себе. – И давно они тебя голодом пытаются, кровиночка моя?

Егор слышал, как стучит её большое сердце.

– Бабуль, Гаврюша – это обычный домовой.

Глава третья, *в которой Егор и Гаврюша беспокоятся о бабушке*

За окном тянулась ночь, часы показывали двенадцать.

– Вы посмотрите, посмотрите! – Бабушка продемонстрировала экран тонометра сперва маме, затем папе. Все трое сидели в гостиной, двери с полупрозрачными стёклами были закрыты. – Сначала подскакивает выше некуда, теперь падает ниже низшего! Недолго мне осталось, ох недолго...

Александра Александровна заёрзала в кресле и нервно отвернулась.

– Мама! Я тебе сто раз уже предлагала вызвать «скорую»!

– Ах, оставь! – Светлана Васильевна подала запрещающий знак ладонью и откинулась на спинку захваченного ею дивана. – Всем известно, из больницы одна дорога – на кладбище.

Вал Валыч нервно растирал колени, в нём боролись три сильных желания:

первое – таки вызвать санитаров, чтобы увезли больную в указанном ею направлении;

второе – превратиться в торшер или плинтус и сыграть скромную роль декорации;

третье – сбежать в спальню, накрыться одеялом и спать до полного убийства тёщи на её законную жилплощадь.

Но каждый раз, решаясь на побег, папа слышал железный приказ: «Сиди!» Жена и тёща отдавали его по очереди, неизменно ласковым тоном, но суть от этого не менялась.

Итак, беседа с Егором ужасно встревожила бабушку – вызвала приступ гипертонии, сбила сердце с привычного ритма и лишила несчастную сна. Едва чета Красивых вернулась с работы, как героическая пенсионерка сразу увела их в гостиную, прикрыла двери и потребовала от каждого подробного отчёта о странностях детских фантазий и посторонних мужчинах в доме.

Первым не выдержал Вал Валыч, он рвал и метал, и никакие двери не могли загасить его зычный гнев, рвущийся на волю. Ишь чего захотела! Отчитывайся тут перед ней! Мало ли чего Егорка напридумывал? У мальчика детство всю играет, он может не только Гаврюшу, но и чёрта лысого придумать. Что же теперь, в каждой его фантазии реальных людей видеть?

Нормальный мальчик, активный, умный, с развитым воображением. Одно море в ванной чего стоит! Слишком развитым? Чересчур? Патология? Кто бы говорил о патологии! Вот досужая старух... бабушка! Всё вам надо, да всё вам не так и не эдак! Что?! Это я не мужик?! И двое детей не аргумент?! Ну, знаете ли, если мы перешли на личности, то уж вы вообще...

Когда инициатива была перехвачена мамой, бабушка уже потеряла дар речи, рухнула на подушки и стонала пример-

но час. За это время мама с папой поужинали и получили от сына более-менее внятные объяснения странного поведения Светланы Васильевны. Они решили пойти извиниться и превратить скандал в шутку.

Но бабушка и все её верные болезни не шутили. Вопреки здравому смыслу больная категорически отказывалась как от госпитализации, так и от предложения сменить тему.

– Вот скажите мне, отец с матерью, где сейчас Глаша в такое-то позднее время? – спрашивала она, сдвигая со лба компресс, который папа мысленно заталкивал ей в рот.

– У подруги ночует, – хмуро отвечал Вал Валыч, изучая взглядом сувенирную шашку, подаренную друзьями и висящую на стене.

Бабушка ликовала без слов, молча поедая маму глазами.

– Видела, чем вы их кормите, – «прокуратура» понеслась по новой, – одни перекусы, банки да коробки, прости господи! Это ж дети, им горячего надо, домашнего... Когда я тебя растила, Александра, я тесто сама ставила, сама пельмени лепила, сама супчик с домашней лапшой придумывала. Неужели у всех теперь как у вас? Я вот тут смотрела одну передачу...

За дверью прятались и подслушивали Егор с Гаврюшей, оба попеременно зевали. Друзья разлеглись на полу и битый час пытались придумать выход из ситуации. Мальчик хмуро потёр засыпающие глаза.

– Гаврюш, что нам сделать? Они никогда не ссорились,

а тут вдруг... Я боюсь за бабушку, старенькая она...

— А я больше за папу, — буркнул домовый и задумчиво почесал бородёнку, — ой, не сдержится, ой, посадят ведь, годов на пятнадцать...

— Не понимаю.

Гаврила вздохнул и приподнялся на локте.

— Вырастешь, обженишься, поймёшь. — Тут он резко вскочил и засиял словно звёздочка. — Значит, так... я за ключами, а ты одевайся и бегом к чердаку.

Егор не успел спросить, что за ключ и почему надо бежать к чердаку, как мужичок сгинул. Вдруг сквозь стекло папин силуэт поднялся и вырос.

— А ты что здесь делаешь?! Вы только посмотрите! — воскликнул Вал Валыч нарочито громко. — Ты давно должен быть в постели! Давай-ка я отведу тебя в спальню.

— Может, лучше я?! — с мольбой в голосе предложила мама.

Егор понял, что ему решать, кто будет спасён. Несчастный, усталый Вал Валыч сейчас был копия бездомного пса, которого мальчик время от времени подкармливал на школьном дворе.

— Не беспокойся, мам, — промямлил мальчик, — папа отведёт. Выздоровливай, бабуль!

Отец сопровождал своего спасителя до детской, присел на корточки и с видом заговорщика прошептал:

— Спасибо за понимание, сынок, с меня причитается. Ло-

жись-ка ты спать, хорошо? И я лягу.

Егор молча кивнул и похлопал старшего по плечу. Каждый ушёл к себе.

Первым, что юный полуночник увидел, включив лампочку, было его полное зимнее снаряжение, аккуратно разложенное на кровати: сапожки, штанишки, свитер, пуховик, шарф, варежки и шапка. Вспомнив слова Гаврюши, мальчик понял, что их ждёт приключение. Храброе, чуткое сердце Егора велело не медлить. Он чувствовал себя матёрым десантником перед вылетом на задание. Экипировался он, как и положено десантникам, «пока спичка горит».

Лестница на чердак была продолжением общей лестницы подъезда. Полностью одетый мальчик бесшумно просочился на площадку. В эти мгновения мама включила телевизор, чтобы развлечь Светлану Васильевну, а папа уже сладко храпел. Тихого щелчка двери никто не услышал.

– Эй, Егорка! – позвал шёпотом знакомый голос. – Шевели ногами, скоро наш рейс.

Мальчик и домовой, на груди которого полумесяцем развернулась связка разнокалиберных ключей, встретились у входа на чердак. Старые петли скрипнули, и в нос ударила смесь запахов морозного неба, перьев и чего-то ещё.

Гаврюша закричал, сдвинул что-то в темноте и произнёс чудные слова, от которых хотелось чихать. Сделалось вдруг светло и уютно, как будто сотни маленьких мерцающих лампочек вспыхнули и расплылись по чердаку, словно золотые

рыбки.

– Ух ты! Светлячки! – Мальчик так и замер с открытым ртом. – А разве букашки не улетают на зиму в тёплые края?

– Мои букашки не улетают, – гордо пояснил домовой, сунул руку за пазуху и вынул золотые механические часы на цепочке. – Опаздываем. Поди-ка сюда, Валентинов сын.

У Егорки глаза разбегались от собранных здесь дивных вещей. Чего он только ни увидел: и чучело взрослого медведя с балалайкой наперевес, и коллекцию подков, подвешенных на гвоздях, и тяжёлый сундук для пиратских сокровищ, и старинные часы с пыльным стеклом, открывающимся для перевода стрелок...

От предчувствия большого приключения сосало под ложечкой. Мальчик забыл про сон и позднее время. Пачкая и без того грязные штаны, домовой плюхнулся на колени и принялся что-то разглядывать на полу у стены.

– Готов отправляться в сказку? – Рыжебородый приятель обернулся к мальчику. – Тады скорей за мной!

Он уменьшился, словно сдувшийся шарик, и пропал из виду.

– Гаврюша! – Егорка едва не упал, подбегая к месту, где только что стоял его проводник. – Ты что сделал?

Пропустить поездку в сказку гораздо хуже, чем проспять Новый год, а ещё обиднее – потерять волшебного друга. Раздавить его сапожком, например. Сделав осторожный шаг назад, мальчуган присмотрелся и, к удивлению своему, нашёл

в стене игрушечную дверь размером с мультяшную мышиную норку. Но главное, что подле норы стоял живой и невредимый крошка-домовой.

– Какой ты мелкий! – засмеялся Егор. – Как козявка-а...

Его почему-то страшно развеселило, что Гаврюша по-прежнему рядом и так уморительно машет ручками. Егорка прислушался.

– ...пальцем! Ткни пальцем в дверь, слышишь? – пропищал лилипутик.

Мальчик послушно дотронулся, и чудо повторилось – он уменьшился вместе с одеждой.

– Вот и славно! – сказал Гаврюша нормальным голосом и выбрал ключ на связке. – Знаешь секрет?

– Не знаю.

– А я те скажу! Ты первый человек, которому дозволено будет войти в тайную комнату.

– Тай-ну-ю ком-на-ту, – повторил восхищённый Егор больше глазами, чем губами.

– И вход только один, этот.

Ключ повернулся в замке, дверь щёлкнула и распахнулась. Друзья взялись за руки и шагнули внутрь, в волшебный полумрак. Трудно было назвать комнатой место, в котором они оказались. Что-то неуловимое в обстановке ещё напоминало о старом доме и чердаке. Сохранился морозный воздух, перемешанный с запахом пыли и перьев, где-то далеко шумели московские улицы, но всё неумолимо таяло, как тают пе-

сочные фигурки от прикосновения морской волны. Новые, доселе невиданные звуки и запахи приходили им на смену. Егор крепче сжал руку домового.

– В сказке мы будем такие же крохотные?

– Не бойсь, в тех краях все такие, – успокоил Гаврюша и показал куда-то наверх. – А вот он и в сказке будет такой же огромный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.